

Сравнение нарративов исторической памяти в Японии и ФРГ после Второй Мировой войны

Я. П. Фокин

Аннотация

Статья посвящена выявлению схожих и различных черт в исторической памяти Японии и ФРГ после Второй Мировой войны. Данные вопросы являются актуальной темой для исследований в условиях центрального и непреходящего влияния факторов исторических обид в отношениях Японии с бывшими жертвами агрессии, в отличие от аналогичных отношений Германии. В качестве теоретических рамок в работе используется подход О. Ю. Малиновой, интерпретирующей историческую память как продукт социального конструирования и вариацию символической политики. Кроме того, автором была использована классификация нарративов памяти о прошлом, предложенная М. Дианом.

В рамках исследования в числе прочего автор рассматривает влияние оккупационной политики на дальнейшее развитие исторической памяти, рассматривая схожие и различные черты. Кроме того, в работе сравниваются изначальное содержание основных нарративов памяти о прошлом в каждой из стран, основные мнемонические акторы, продвигающие их, а также эволюция данных нарративов в период с окончания войны по настоящее время. Автором также выделяются причины различий в содержании и эволюции нарративов в Японии и ФРГ.

В результате автор приходит к выводу, что, несмотря на определенную схожесть оккупационной политики в двух странах, а также выделение в рамках исторической памяти двух традиций (консервативной и лево-прогрессистской) в каждой из стран, содержание и эволюция последних серьезно различаются. В ФРГ изначально консервативная традиция включала нарративы самовиктимизации и амнезии, а прогрессистская – нарратив покаяния; с течением же времени традиции перешли от поляризации к консенсусу вокруг покаяния и элементов самовиктимизации. В Японии консервативная

традиция изначально кроме самовиктимизации включала героизацию прошлого, т. е. была более ревизионистской, а прогрессистская – фокусировалась на самовиктимизации, а не покаянии. С течением же времени традиции перешли от консенсуса вокруг самовиктимизации к острой поляризации: прогрессисты перешли к нарративу покаяния, а среди консерваторов укрепились позиции ревизионистов.

Ключевые слова: исторические нарративы, травматическое прошлое, политика памяти, Япония, Федеративная Республика Германия, Вторая Мировая война.

Информация об авторах: Фокин Ярослав Павлович, магистрант МГИМО-Университет МИД России: Москва 119454, просп. Вернадского, 76.
E-mail: phokin.yaroslav@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

The Comparison of the Historical Memory Narratives in Japan and the FRG After the Second World War

I. P. Fokin

Abstract

The article is devoted to identifying the similarities and differences in the historical memory of Japan and the FRG after World War II. These issues are a relevant topic for research in the face of the enduring influence of historical grievances on Japan's relations with its former victims, in contrast to similar relations of Germany. As a theoretical framework, the paper uses O. Malinova's approach, which interprets historical memory as a product of social construction and a variation of symbolic politics. In addition, the author used the classification of historical memory proposed by M. Dian. In the

scope of the study, the author examines the impact of occupation policies on further development of historical memory in the two countries. The paper compares the original content of the main narratives of memory of the past in each country, the main mnemonic actors promoting them, and the evolution of these narratives from the end of the war to the present day. The author also highlights the reasons for the differences in the content and evolution of the narratives in Japan and the FRG.

The author concludes that, despite a certain similarity of the occupation policy in the two countries, as well as the formation of two traditions (conservative and left-progressive) in historical memory of each of the countries, its content and evolution are seriously different. In the FRG, the conservative tradition initially included the narratives of self-victimization and amnesia, while the progressive tradition included the narrative of repentance; over the years, however, the traditions have evolved from polarization to a consensus around repentance and elements of self-victimization. In Japan, the conservative tradition initially included glorification of the past in addition to self-victimization, i.e., it was more revisionist, while the progressive tradition focused on self-victimization rather than repentance. Over time, the traditions shifted from a consensus around self-victimization to a sharp polarization: progressives moved to a repentance narrative, while revisionists gained ground among conservatives.

Keywords: historical narratives, traumatic past, politics of memory, Japan, Federal Republic of Germany, World War II.

About the author: *Fokin Iaroslav Pavlovich*, Graduate student of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University): 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation).

E-mail: phokin.yaroslav@yandex.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00109).

Введение

Проблемы исторической памяти становятся все более актуальными: в официальном дискурсе многих стран распространяется риторика об исторических обидах и переписывании истории. Особую

значимость эти вопросы обретают в контексте международных отношений. В Восточной Азии противоречия, связанные с исторической памятью, проявляются особенно остро: воспоминания об агрессивной политике Японии выступают важнейшим фактором ее отношений с КНР, КНДР, РК. В то же время есть пример страны, чье схожее наследие прошлых преступлений не оказывает такого негативного влияния на международную позицию, – это Германия. Можно предположить, что важным фактором различия в международных позициях Японии и Германии являются различия в исторической памяти двух стран.

Целью настоящей статьи выступает выявление схожих и различных черт японской и немецкой исторической памяти: влияния на нее оккупационной политики, содержания и эволюции основных нарративов памяти в обществе. Необходимо отметить, что в работе не рассматривается историческая память в ГДР в силу принятия ей до известной степени нарратива памяти ФРГ после 1990 г. и ограниченности формата статьи.

Теоретической рамкой выступает подход О. Ю. Малиновой, рассматривающий политику памяти как вид символической политики. Последняя определяется как «публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование», что предполагает множественность акторов, производящих нарративы, и влияние на них системы уже существующих представлений [Малинова 2018, с. 30–31]. Нарратив памяти определяется как «сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий» [Там же, с. 37]. Для типологизации нарративов памяти в работе используется классификация М. Диана, выделившего пять идеал-типичных моделей:

– *героизация прошлого*: насилие рассматривается как подвиги, совершение которых оправдано национальными интересами и ценностями; деятели военного прошлого героизируются, а страдания населения других стран замалчиваются;

– *самовиктимизация*: «простой народ» представляется в качестве жертвы, неспособной влиять на высокую политику, а вина за страдания возлагается на политическую элиту или на другие государства;

– *историческая амнезия*: травмирующие события прошлого игнорируются или изымаются из коллективной памяти;

– *признание вины*: ответственность за насилие признается (при том, что масштабы и мотивация сторон дискуссионны), однако активное раскаяние в совершенных преступлениях не предполагается;

– *раскаяние*: помимо признания вины за не поддающиеся оправданию преступления, выражается глубокое раскаяние жертвам [Dian 2017, p. 24–25].

Оккупационная политика в Германии и Японии

Важнейшими для формирования послевоенной памяти о прошлом в ФРГ и Японии являлись факторы оккупации странами-победительницами. Их первоочередной задачей стало недопущение повторной агрессии, для чего был взят курс на проведение в побежденных странах демилитаризации, демократизации, децентрализации и (в случае Германии) денацификации. Одним из основных выражений данного курса стало уголовное преследование виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности. В рамках Нюрнбергских трибуналов над немецкими преступниками было осуждено более 5 тыс. человек, в том числе 18 преступников класса «А», и вынесено более 800 смертных приговоров [Herf 1997, p. 206]. В рамках японских трибуналов были осуждены более 5 тыс. человек и 28 преступников класса «А», почти 1 тыс. человек была приговорена к смертной казни [Dower 1999, p. 447]. Нацеленные на заложение символических основ «перевоспитания» немцев и японцев, трибуналы действительно стали точкой отсчета для их послевоенной идентичности.

Вместе с тем позитивный характер процессов имел определенные ограничения, вызывающие до сих пор дискуссии в обществах двух стран. Спорными моментами были отсутствие рассмотрения предполагаемых преступлений союзников (ковровые бомбардировки, применение ядерного оружия, грабежи и насилие против гражданского населения), а также ряда преступлений Японии и Германии: так, не были достаточно рассмотрены холокост (т. к. в юрисдикцию суда входили именно международные преступления), использование подневольного труда, проблема «женщин для утешения». Кроме того, проблемой стало обратное применение правовых норм («преступления против мира» и «преступления против человечности» де-факто

были определены лишь после факта их совершения), которое отмечал в т. ч. Р. Пал, судья Токийского трибунала, настаивавший на необходимости оправдания обвиняемых [Olick 2005, p. 106].

Важным следствием наказания конкретных лиц стало де-факто оправдание тех, кто перед судом не предстал, т. е. разделение народа на виновное меньшинство и невинное большинство. Трибуналы стали альтернативой идее коллективной ответственности, элементы которой применялись в Германии в первые месяцы оккупации, но вскоре были отменены из-за низкой эффективности и необходимости наладить сотрудничество с народом [Olick 2005, p. 98–99]. В Японии же оккупационная администрация сразу взяла курс на отделение «милитаристской клики» от народа, отказавшись от наказания обычных японцев и пытаясь использовать милитаристов в качестве «козла отпущения» [Og 2001, p. 16].

При этом вскоре с углублением холодной войны фокус усилий США сместился с усилий по демилитаризации и «перевоспитанию» агрессоров на превращение их в союзников. Насущными задачами стали закрепление у власти проамериканских сил и перевооружение, что вызвало необходимость реабилитации некоторых из ранее осужденных или ограниченных в правах лиц. При поддержке США проходили реабилитации ряда немецких офицеров и сворачивание судебных процессов. С одобрения Вашингтона Бундестаг в 1949 и 1954 гг. принял законы об амнистии, освободившие от наказания более 1 млн. бывших чиновников и функционеров НСДАП, СС и СА. В 1951 г. был принят закон, вернувший прошедшим денацификацию лицам право занимать госдолжности. В результате к 1953 г. около 30% всех постов в министерствах составляли бывшие члены нацистских организаций [Frei 2002, p. 23, 54], а в состав военных советников К. Аденауэра вошли в т. ч. Г. Гудериан и А. Кессельринг. Одновременно возросло давление на крайне левую оппозицию: в 1956 г. Конституционный суд ФРГ принял решение о запрете Коммунистической партии Германии, после чего тысячи коммунистов подверглись преследованиям.

В Японии проводился схожий «обратный курс». В 1950-х гг. по настоянию Вашингтона были начаты реабилитации. Вскоре около 200 тыс. деятелей старого режима были реабилитированы, большая часть из них вернулась в политику и госуправление [Harries, Harries 1987 p. 196–197]. По итогам выборов 1952 г. около 42% парламентариев составили реабилитированные лица [Finn 1992, p. 296]. Среди них

можно выделить Н. Киси, занимавшего министерский пост в 1941–1944 гг. и ставшего премьер-министром в 1955 г., а также М. Сигэмицу, министра иностранных дел в ряде как военных, так и послевоенных кабинетов. США также способствовали проведению «красных чисток» в 1949–1951 гг.: насильственному увольнению с госслужбы и из частных корпораций коммунистов и подозреваемых в симпатиях к ним. Преследованиям подверглись около 27 тыс. деятелей профсоюзов, журналистов, представителей интеллигенции [Hirata, Dower 2006, p. 3].

В оккупационной политике в отношении Германии и Японии существовали, однако, значимые различия: в отношении последней она была мягче. Помимо факта разделения Германии на несколько зон оккупации в ней проводилась политика денацификации, направленная на искоренение идей национал-социализма. Все взрослое население должно было пройти анкетирование об уровне вовлеченности в деятельность режима, на основании которого специальные суды (*Spruchkammern*) распределяли немцев на пять категорий виновности. В целом проверке было подвергнуто более 3 млн. человек, из которых «в наибольшей степени ответственными» или «ответственными» признали около 23,6 тыс. человек [Berger 2012, p. 48]. Этот процесс столкнулся с серьезными проблемами. В условиях недостатка времени и персонала решения выносились на основании поручительства благонадежных лиц. В итоге виновными часто признавались не настоящие преступники, многие из которых имели достаточно связей и ресурсов, чтобы найти поручителя, а менее связанные с режимом лица. Денацификация вскоре стала крайне непопулярна – к концу 1940-х гг. даже некоторые из жертв нацистов ее критиковали – и постепенно была свернута.

Хотя в Японии также накладывались ограничения на идеи и организации, считавшиеся драйверами шовинизма и экспансии, они включали менее жесткие меры и имели меньший охват. Так, США приняли решение сохранить институт императора и положение Хирохито, оградив его от ответственности для стабилизации обстановки в стране и предотвращения сопротивления. Народ убеждали в том, что военное командование обманом втянуло японцев в войну и предало своего императора.

Тем не менее оккупационная администрация приложила серьезные усилия для демилитаризации страны, а также отделения синто-

изма от государства, считая его главной движущей силой экспансионизма и шовинизма. Императору пришлось выпустить Декларацию о человеческом происхождении (*нингэн сэнгэн*), в которой он развенчивал «ложную идею о том, что император ... обладает божественным происхождением, а японский народ превосходит другие расы, и ему предназначено править миром»¹. В соответствии с новой Конституцией 1947 г. император наделялся исключительно символическим статусом, лишаясь реальных полномочий; религия отделялась от государства, функции императора как главы синто ограничивались церемониалом; ст. 9 постулировала отказ от «войны как суверенного права нации» и создания вооруженных сил, а ст. 66 – запрет занятия должностей премьер-министра и членов кабинета военными². Из школьных программ были изъяты концепции японской исключительности, долга перед императором и прославления милитаризма. Образовательные учреждения покинули более 120 тыс. преподавателей в связи с националистическими воззрениями [Finn 1992, p. 60].

Степень демилитаризации в то же время стала фактором различия: в Японии она оказалась глубже и долговечнее. Хотя упомянутый «обратный курс» привел к отказу от жесткого следования предписанию об отсутствии вооруженных сил, тем не менее, некоторые результаты демилитаризации были зафиксированы. В отличие от Западной Германии бывшие японские имперские офицеры были в основном отстранены от восстановления военных институтов и участия в политике.

Историческая память в Японии и ФРГ в период холодной войны

Вторая Мировая война стала центральным элементом послевоенных памяти о прошлом немецкого и японского обществ, составив призму, через которую они видели свою историю, формировали идентичности и определяли значимых Других. Как в ФРГ, так и в Японии выделились две основные традиции коллективных представлений о прошлом: консервативная традиция, ассоциированная с крупным

¹ 官報號外 昭和21年1月1日 詔書 [人間宣言]. 国立国会図書館: <https://www.ndl.go.jp/constitution/shiryo/03/056/056tx.html>

² The Constitution of Japan. Prime Minister of Japan and His Cabinet. https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html

капиталом, некоторыми религиозными организациями, а также избежавшей люстраций довоенной элитой, и прогрессистская (левая) традиция, ассоциированная с левыми силами, профсоюзами, частью интеллигенции и левой молодежью. В обеих странах в результате усилий оккупационных администраций по консолидации власти в руках прозападной элиты в первые послевоенные десятилетия консерваторы доминировали в политике. Однако содержание и эволюция двух традиций, особенности их соперничества и его итоги в каждой из двух стран оказались различными.

В ФРГ основным мнемоническим актором, стремившимся к продвижению консервативного нарратива о прошлом, являлась коалиция христианских демократов (ХДС/ХСС). В 1949–1969 гг. ей удавалось формировать большую часть каждого из правительств и назначать канцлеров. Эти силы, с одинаковым неприятием относившиеся к нацизму и коммунизму, стремились к перестройке страны в свободное, ориентированное на рынок демократическое государство и закреплению ее в западном союзе. Электорально партия опиралась на крупный бизнес, католическую общественность, а также в силу активного продвижения реабилитаций на бывших членов НСДАП и военных. Другими важными консервативными мнемоническими акторами стали различные организации «изгнанников» – эмигрантов и репатриантов, которые были вынуждены уехать с земель, переставших принадлежать Германии. Среди них существовала политическая партия ГВ/ВНЕ, которая продолжительное время являлась парламентским партнером ХДС/ХСС. «Изгнанники», количество которых в послевоенное время достигло 9 млн. человек (около 17% всего населения ФРГ), формировали значительный электорат [Ahonen 1998].

Консервативная традиция в первые десятилетия основывалась на ряде ключевых убеждений. Во-первых, постулировалась необходимость восстановления национального достоинства и уверенности в себе, основанной на позитивной самооценке, которая де-факто связывалась с избеганием акцентирования внимания на преступлениях Германии. Во-вторых, разделение немцев на виновное меньшинство и невиновное большинство. Ответственность за преступления перекладывалась исключительно на группу руководителей режима. Хотя консерваторы однозначно осуждали эту группу, они отрицали любые концепции общей ответственности и видели большинство немцев невинными людьми, чье доброе имя было опорочено [Herf 1997, p. 212].

Консерваторы стремились оградить от ответственности в т. ч. солдат вермахта из уважения к военным и крупным промышленникам ради нужд восстановления страны [He 2008, p. 59]. Консерваторы заявляли о преемственности с донацистской Германией, рассматривая Третий рейх как историческую аномалию. В-третьих, самовиктимизация немецкого населения – представление его в качестве жертвы одновременно репрессий нацистского режима и действий союзных войск, в т. ч. ковровых бомбардировок, насилия над гражданскими лицами, изгнания с восточных территорий, оккупации и раздела страны. Так, в 1952 г. правительство Аденауэра установило национальный день траура, призванный почтить память жертв войны среди немцев, тогда как никаких коммеморативных практик не было связано ни с холокостом или другими преступлениями, ни с капитуляцией.

Одним из основных мнемонических акторов в рамках же прогрессистского (левого) нарратива являлась Социал-демократическая партия. С точки зрения электоральной поддержки СДПГ опиралась на влиятельные немецкие профсоюзы. Социал-демократы видели приход к власти нацистов результатом социально-экономического развития Германии: ускоренная модернизация не сопровождалась буржуазной революцией, в связи с чем буржуазия стала зависима от государства и враждебна демократии. Они считали, что для закрепления демократии и предотвращения возрождения ультранационализма необходима национализация крупных предприятий и широкие меры по перевоспитанию народа: устранение из политики сочувствовавших нацизму, признание ответственности всех немцев за преступления и покаяние перед жертвами [Berger 2012, p. 50].

Другими важными акторами в рамках прогрессистской традиции являлись различные писатели и ученые. Так, известный писатель Т. Манн, являясь сторонником коллективной ответственности немцев за нацизм, заявлял, что «для человека, родившегося немцем, невозможно начисто отречься от злой Германии, отягощенной исторической виной» [Манн 1961, с. 324–325]. Философ К. Ясперс в известной работе 1946 г. выделял политическую ответственность – ответственность граждан государства за последствия его действий и отмечал, что хотя Нюрнберг позорен для Германии, он стал результатом того, что «немцы не освободили себя от преступного режима сами» [Ясперс 1999, с. 20, 103].

Таким образом, можно видеть, что в первые годы консервативный нарратив в ФРГ совпадает с моделями самовиктимизации и амнезии по классификации М. Диана, а прогрессистский – с моделью покаяния. Помимо неприятия нацизма они мало в чем могли согласиться. В этой связи, в первые послевоенные десятилетия общественный консенсус в сфере исторической памяти отсутствовал. В результате выборов 1949 г. к власти пришла коалиция в составе ХДС/ХСС и СвДП, которая начала проводить консервативную линию в области политики памяти, в т. ч. были изданы рассмотренные выше законы о реабилитациях, школьные учебники были приведены в соответствие с консервативным нарративом.

Одновременно правительство не избегало попыток примирения с жертвами нацизма. Были нормализованы отношения с Францией, Нидерландами, Грецией, Израилем. Кроме того, в 1953, 1956 и 1965 гг. были приняты законы о компенсациях, предусматривавшие выплаты немецким гражданам и эмигрировавшим из страны до 1937 г. за потерю близких, ущерб здоровью, лишение свободы, утрату собственности, принудительные увольнения³. Однако влияние консервативных позиций проявилось в том, что выплаты осуществлялись в т. ч. в пользу пострадавших немцев, а нормализация ограничивалась западными союзниками. В целом же в первые десятилетия после войны отсутствие консенсуса в обществе и острота переживаний привели к попыткам вынести болезненные вопросы за скобки. Этот период позже будет назван «эпохой активного подавления прошлого» [Berger 2012, p. 58].

Однако постепенно в силу разных факторов ситуация начала меняться. С одной стороны, продолжающиеся процессы против виновных в холокосте помогали поддерживать актуальность вопросов немецкой вины. Широкий резонанс вызвали дела высокопоставленного полицейского в Ульме в 1958 г. и А. Эйхмана в 1961 г. Последнее активизировало дискуссию о роли приспособленчества немцев в трагедии холокоста. В 1960-х гг. проходили также процессы над сотрудниками концлагерей Аушвиц, Белжец, Трешлинка и Собибор. С другой стороны, распаду политики молчания поспособствовал

³ Bundesgesetz zur Entschädigung für Opfer der nationalsozialistischen Verfolgung. *Bundesanzeiger Verlag*: https://www.bgb1.de/xaver/bgb1/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGB1&jumpTo=bgb1153s1387.pdf#_bgb1_%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgb1153s1387.pdf%27%5D__1715565081852

рост левого студенческого движения и переход СДПГ от оппозиции к участию в правительствах. Вовлечение в политику молодого поколения, осуждавшего старших за соучастие в преступлениях нацизма, стимулировало актуализацию вопросов памяти. Одновременно принятие СДПГ более умеренных позиций и рост поддержки позволил ей войти в 1964 г. в правительство вместе с ХДС/ХСС. В 1965 г. социал-демократы добились продления срока давности преступлений нацистов. Он продлевался также в 1969 г., а в 1979 г. был полностью снят [Herf 1997, p. 337–342].

Победа СДПГ на выборах 1969 г. представила шанс для продвижения прогрессистского нарратива. Основным элементом курса канцлера В. Брандта стала «восточная политика», нацеленная на примирение с восточноевропейскими соседями. В начале 1970-х гг. он заключает договоры с СССР, Польшей, Чехословакией и ГДР. Его коленапреклонение во время визита в Варшаву в 1970 г. позитивно повлияло на образ ФРГ в странах Восточной Европы и символизировало вхождение нарратива покаяния в официальный дискурс. Общество, однако, было далеко от консенсуса: консерваторы отчаянно сопротивлялись реформам. Ратификация договоров Брандта обернулась острым противостоянием; в 1974 г. канцлер ушел в отставку, а годом ранее суд ФРГ в очередной раз отклонил требования компенсаций бывшим подневольным рабочим. Но фундамент был заложен. В 1970-х гг. проводятся образовательные реформы: растет освещение преступлений нацизма и организуются антифашистские памятные церемонии. Кроме того, широкое общественное обсуждение вызвал четырехсерийный телевизионный фильм «Холокост» [He 2008, p. 73–75].

В 1980-е гг. произошло формирование консенсуса в обществе вокруг нарратива покаяния. С распадом коалиции ХДС/ХСС и СДПГ и приходом на пост канцлера Г. Коля консерваторы попытались взять реванш в области памяти, вернувшись к идее «проведения черты» под нацистским прошлым и восстановления «духа здорового патриотизма». Консервативный порыв встретил отпор, отразившийся в двух скандалах. В 1985 г. острейшую критику вызвала инициатива совместного посещения Колем и президентом США Р. Рейганом американо-немецкого военного кладбища в Битбурге: на нем помимо прочих были захоронены члены Ваффен-СС. Хотя Коль убедил Рейгана не отменять визит, лидеры были вынуждены дополнить его посещением

концлагеря Берген-Бельзен [He 2008, p. 88]. В 1986 г. разгорелся т. н. «спор историков». Ряд консервативных ученых, в т.ч. М. Штюмер и Э. Нольте, утверждали, что тема нацизма не должна доминировать в исторической памяти немцев и что к поддержке НСДАП привели оправданные опасения средних классов из-за угрозы коммунизма. В ответ Ю. Хабермас и другие левые мыслители обвинили их в релятивизации преступлений нацистов и стремлении ренационализировать немецкое историческое сознание [Berger 2012, p. 67].

Нарратив покаяния, таким образом, утвердился в обществе. Символическое значение имела речь президента ФРГ и члена ХДС Р. фон Вайцзеккера 1985 г., в которой он заявил, что покаяние не противоречит здоровому патриотизму, но является источником национальной гордости и долгом каждого немца⁴. Речь, высоко оцененная и консерваторами, и левыми, ознаменовала принятие консервативной традицией нарратива покаяния и формирование вокруг него консенсуса.

В Японии после войны также оформились консервативная и прогрессистская (левая) традиции памяти. Основными акторами среди консерваторов стали Либерально-демократическая партия и госслужащие. Значимая часть элиты обнаруживала преемственность с довоенным временем: многие избежали люстраций, либо были реабилитированы. Консервативный нарратив продвигался также рядом влиятельных негосударственных организаций. Одна из них – Ассоциация синтоистских храмов (*дзиндзя хонтё*), учрежденная после отделения религии от государства и объединившая большинство синтоистских храмов. Недовольные снизившимся статусом синто, они стремились к ревизии послевоенных порядков и возврату традиций, в т. ч. воспитанию уникальных духовных (синтоистских) ценностей японского народа, центральному положению императора и культу воинов, отдавших за него жизнь [Seraphim 2006, p. 53]. Другая организация – Федерация семей погибших на войне (*ниппон идзокукай*), борющаяся за общественное признание ветеранов и сохранение культа героев войны. Так, она продвигала возведение в ранг синтоистских божеств в святилищах духов героев войны, в т. ч. тех, кто был признан военными преступниками [Dian 2017, p. 42].

⁴ Richard von Weizsäcker, “der 8.Mai 1945: 40 Jahre danach, Weizsacker, Von Deutschland aus: Reden des Bundespräsidenten. – Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1987.

В центре системы идей японских консерваторов стояло неприятие «взгляда на историю, навязанного Токийским процессом». Часто ссылаясь на особое мнение судьи Р. Пала, они критиковали трибуналы как суд победителей: любые действия Японии с 1931 г. трактовались как агрессивные, а любые действия союзников – как справедливые. Консерваторы не считали войну исключительно агрессивной. Они утверждали, что Япония была в нее втянута, акцентируя внимание на факторах экономического кризиса, нефтяного эмбарго США и колониализма западных стран, устанавливавшего стандарты великодержавной политики [Gluck 1990, p. 12]. Наиболее рьяные ревизионисты подчеркивали мессианские цели войны – освобождение народов Азии от «белого колониализма». Заявлялось о добровольном характере аннексии Кореи, учреждения Маньчжоу-Го и правительства Ван Цзинвэя в Нанкине, а военные преступления представлялись преувеличением или ложью пропаганды. Важной для консервативного нарратива была идея континуитета между довоенной и послевоенной Японией, символом которой служили институт императора и синтоизм [Dian 2017, p. 43–45].

Наконец, консерваторы стремились поддерживать статус погибших на войне японцев. Они идеализировали «чистоту духа и японскость» военного поколения, принесшего себя в жертву во имя нации и ее будущего процветания, а признание войны агрессивной считали неуважением к героям [Ogg 2001, p. 21]. Основным же местом для поминовения погибших солдат стал храм Ясукуни. Консерваторы видели основной целью восстановления Японией статуса «державы первого эшелона», однако расходились по вопросу путей ее достижения. Н. Киси, М. Сигэмицу, И. Хатояма стремились к полноценному перевооружению, а союз с США видели кратковременным злом; более умеренная группа (С. Ёсида, Х. Икеда, Э. Сато) делала упор на экономическое развитие, снижение участия в международных делах и опоре на гарантии безопасности США [Samuels 2007].

В рамках прогрессивистской (левой) традиции памяти основными акторами были Социалистическая и Коммунистическая партии. Хотя они не состояли ни в одном правительстве до 1993 г., эти партии имели значительное влияние, являясь мощным тормозом, ограничивавшим радикальных консерваторов. Важную роль также играли различные общественные организации. Одной из них стал Профсоюз учителей Японии (*никкё:со*). Так как оставшиеся после люстраций

в сфере образования учителя в большинстве своем придерживались левых взглядов, *Никкёсо* пользовался серьезной поддержкой. Центром его идей стало раскаяние за участие в милитаристской системе образования. Организация винила в войне «феодално-фашистские особенности» довоенной системы и заявляла о необходимости децентрализации образования [Duke 1973]. Другая организация – Общество памяти студентов, погибших на войне (*Нихон сэнбоцу гакусэй кинэнкай*), стремилась сохранить память об учащих, призванных на войну в последние годы конфликта, в т. ч. пилотов-камикадзе, и гарантировать, чтобы бессмысленные жертвы не повторялись. Организации жертв атомных бомбардировок (*хибакуся*) ставили своей целью общественное признание и компенсации жертвам и продвижение ядерного разоружения.

В центре прогрессистской традиции стояла идея двойной виктимизации обычного населения: японцы представлялись жертвами одновременно режима милитаристов и войны, сопряженной со значительными страданиями, в т. ч. ковровыми бомбардировками и атомными ударами [Dian 2017, p. 51–52]. *Хибакуся* стали важным символом страданий японцев и борьбы за ядерное разоружение. Другой основной идеей был радикальный разрыв с прошлым. Милитаризм и войну прогрессисты связывали с незавершенной модернизацией и традиционализмом, выступая за «полную демократизацию, достижение гражданской субъектности и политической свободы» [Kersten 1996, p. 181]. Наконец, для прогрессистов было характерно крайнее неприятие милитаризма во внешней и внутренней политике. Их доктриной стал невооруженный нейтралитет: полный отказ от вооруженных сил и неприсоединение к альянсам.

Таким образом, можно видеть, что в отличие от ФРГ содержание консервативного нарратива в Японии помимо модели самовиктимизации включало героизацию прошлого, т. е. было более ревизионистским, а прогрессистский – концентрировался вокруг модели самовиктимизации, практически не включая покаяние. Помимо описанных различий в оккупационной политике данное несоответствие между ФРГ и Японией можно объяснить историческими обстоятельствами. Во-первых, в Японии невозможно было четко назначить определенную группу виновной за все японские преступления. Имперская экспансия Японии, финалом которой стала Вторая Мировая война, растянулась на всю первую половину XX века

и пришлось на несколько кабинетов и императоров. Кроме того, особенности системы принятия решений, в т. ч. распыление ответственности, конкуренция центров влияния, отсутствие единовластного лидера и единой партии дополнительно осложняло выделение группы виновных [Berger 2012, p. 130–131].

Наконец, использование группы милитаристов в качестве маркера виновных осложнялось размытостью определения и нежеланием признавать преступниками военных (как и в случае с вермахтом в Германии). Во-вторых, японские консерваторы могли занимать более радикальную позицию в силу отличий преступлений двух стран, а именно осуществления нацистами холокоста. Хотя идеи расового превосходства послужили основой для некоторых преступлений Японии, она не проводила системного курса полного физического уничтожения группы по расовому признаку. Холокост же стал как фактором полной делегитимизации режима нацистов, так и емким символом его преступлений: именно обсуждение геноцида евреев не давало обществу ФРГ подвести черту под нацистским прошлым [Ibid., p. 128–129].

В то же время в Японии существовало определенное поле схождения между нарративами. Используя его, умеренно-консервативная часть элиты смогла сформировать консенсус между двумя традициями в сферах памяти и внешней политики. Первый его элемент заключался в представлении японцев как основных жертв. Консерваторы уходили таким образом от вопроса ответственности и вызвали сопереживание жертве военного поколения, а прогрессисты – обосновывали неприятие милитаризма, который винили в войне. Консенсус обусловил общность коммеморативных символов (Хиросима и *хибакуся*) и игнорирование жертв японской агрессии.

В речи на Сан-Францисской конференции премьер-министр С. Ёсида обосновал «желание жить в мире» лишь «страданиями его народа»⁵. Организовывающаяся с 1950-х гг. Национальная служба памяти погибших в войне также игнорировала жертвы среди не-японцев [Buruma 1995, p. 117]. Вторым элементом консенсуса стала минимизация военной роли Японии: умеренные консерваторы видели пацифизм, возведенный на флаги левым движением, практичной

⁵ Prime Minister Shigeru Yoshida's Speech at the San Francisco Peace Conference. *Institute of Oriental Culture, University of Tokyo*: <https://worldjpn.net/documents/texts/JPUS/19510907.S1E.html>

отговоркой для отказов запросам США об увеличении военных обязательств. Попытки ревизионистов во главе с Н. Киси в конце 1950-х гг. пересмотреть оборонную политику в сторону большей военной роли натолкнулись на масштабное сопротивление общества, вылившееся в крупнейшие в истории страны протесты (*Anpo toso*). Хотя по итогу обновленный договор по безопасности с США – основное детище Киси – все-таки был заключен, протесты привели к отставке последнего, приходу к власти умеренных консерваторов и консолидации консенсуса между традициями [Dian 2017, p. 63].

Консенсус смог пережить ряд кризисов. На фоне принуждения США к участию во вьетнамской компании кабинет Э. Сато, в т. ч. под нажимом протестного движения, углубил доктрину Ёсида, закрепив три неядерных принципа и запретив любой экспорт оружия. Виктимность бывших жертв Токио признавал лишь в исключительных случаях: хотя под давлением Пекина в 1972 г. премьер-министр К. Танака заявил о глубоком раскаянии Японии за принесенный ущерб⁶, уже в 1973 г. перед парламентом он отметил, что историками еще не установлено, являлось ли размещение войск в Китае агрессией [Dian 2017, p. 68].

В то же время происходило некоторое смещение прогрессивистского нарратива. Вьетнамская война и нормализация отношений с КНР способствовали все большему обращению к нарративу покаяния. Так, издается значительное количество литературы, посвященной японским военным преступлениям, в т. ч. работы К. Хонда, С. Моримура, К. Сэнда. Общественные дебаты вызвали судебные иски историка С. Иэнага, поданные против министерства образования, т. к. его учебник 1965 г., широко освещавший японские военные преступления, не был одобрен ведомством. Процесс, продолжавшийся до 1982 г., укрепил мнение, что Токио намеренно замалчивает неприглядные стороны истории.

В ответ происходила консолидация в лагере консерваторов. В 1980 г. ЛДП начала кампанию по исправлению «предвзятых учебников», продвигающих «мазохистское видение истории», а в 1982 г. объявила основой своей программы «культивирование японского духа и национальной гордости» [Conrad 2010]. Одновременно увели-

⁶ Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. – September 29, 1972: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html>

чилась активность историков-ревизионистов, оспаривавших применение термина «Нанкинская резня» и количество жертв. В 1982 г. пост премьер-министра занял Я. Накасонэ, выходец из радикальной части консерваторов. Острые дебаты вызвало посещение им 15 августа 1985 г. храма Ясукуни. Став первым посещением храма главой правительства после придания сакрального статуса военным преступникам класса «А» в 1978 г., оно спровоцировало дипломатический скандал и дальнейшую дестабилизацию консенсуса памяти.

Таким образом, к концу 1980-х гг. Япония оказалась на грани коллапса сформированного после войны консенсуса памяти вокруг нарратива самовиктимизации, в отличие от ФРГ, где к этому времени, наоборот, впервые за весь послевоенный период сформировался консенсус на основе нарратива покаяния.

Историческая память в Японии и ФРГ на современном этапе

В ФРГ в течение периода с 1990-х гг. по настоящее время консенсус вокруг нарратива «покаяния» во многом сохранился. Вызовом стало объединение Германии из-за необходимости интеграции нарративов о прошлом и опасений, что патриотический заряд объединения возродит крайний национализм. В 1990-х гг. действительно активизировалось движение новых правых, стремившееся к преодолению «мифологии вины», утверждению Германии как «нормальной» и «уверенной в себе» страны, противодействию иммиграции [Не 2008, р. 100]. Одновременно в начале 1990-х гг. имел место скачок преступлений против иммигрантов. Однако усилиями умеренных сил крайне правые были вытеснены из мейнстримной политики.

Опасения по поводу роста национализма также связывались с присоединением ГДР. Тем не менее объединение не привело к распаду консенсуса вокруг покаяния. С одной стороны, ФРГ предприняла усилия по интеграции восточных немцев, в т. ч. в области исторической памяти. Так, была перестроена система образования: тысячи преподавателей школ и университетов, уличенные в сотрудничестве со Штати, были уволены, факультеты истории реорганизованы, а учебные планы пересмотрены [Лёзина 2015, с. 61–62]. Также организовывались мероприятия для молодежи, в т. ч. поездки в концлагеря, информирующие о многогранности движения сопротивления, опасностях

ксенофобии и расизма. С другой стороны, новые восточногерманские элиты стремились перенять исторический нарратив ФРГ.

В 1990 г. после первых свободных выборов было объявлено о признании «ответственности немцев в ГДР» за «геноцид, особенно затрагивающий евреев ..., народ СССР, польский народ, синти и рома» [Jander 1990]. В результате историческая память Восточной Германии была де-факто ассимилирована нарративом ФРГ.

Нарратив раскаяния отразился в официальных мероприятиях к 50-летию окончания войны. Бундестаг объявил 27 января, дату освобождения лагеря Аушвиц, национальным днем памяти жертв нацистских гонений и геноцида. Президент ФРГ Р. Герцог по случаю годовщины отметил, что ответственность за холокост лежит на немцах в целом [Herf 1997, p. 369]. Устоялась традиция принесения извинений: соответствующие заявления делал Р. Герцог, Г. Шрёдер и другие лидеры. Схожий тренд наблюдался в музейной сфере. В 1995 г. выставка, посвященная расправам вермахта над мирным населением, вызвала споры, пошатнув миф о невинности обычных солдат. В 2001 г. началось строительство в Берлине мемориала жертвам холокоста и открылся крупнейший в Европе Еврейский музей.

При этом к началу 2000-х гг. вслед за консенсусом о вине постепенно возникает сближение по вопросу изгнанных немцев за счет принятия левыми элементов самовиктимизации. Т. Бергер возводит его к 1999 г., когда левое правительство Г. Шрёдера, стремясь обосновать участие ФРГ в интервенции НАТО в Югославию, заявило, что в силу опыта нацизма немцы морально обязаны реагировать на нарушения прав человека, имея в виду действия Белграда [Berger 2012, p. 76]. Данная риторика создала шаблон для осуждения левыми силами нарушений прав немцев. В результате в мае 1999 г. Бундестаг принял резолюцию с призывом разрешить «все еще открытые вопросы истории», имея в виду изгнание немцев [Ibid., p. 77]. В 2008 г. в рамках коалиционного соглашения ХДС/ХСС и СДПГ Бундестаг учредил Центр против изгнания и государственный Фонд бегства, изгнания и примирения. Тренд продолжается до сих пор: в 2018 г. А. Меркель по случаю Всемирного дня беженцев отметила, что нет оправданий изгнанию судетских немцев⁷.

⁷ Merkel calls Sudeten German expulsion “immoral”, drawing Czech ire. *Czech Radio*.: <https://english.radio.cz/merkel-calls-sudeten-german-expulsion-immoral-drawing-czech-ire-8157867>

В отличие от Германии, где наблюдался все больший консенсус между традициями на основе покаяния и элементов самовиктимизации, политика памяти в Японии характеризовалась возрастающей поляризацией. На рубеже 1990-х гг. окончательно распался послевоенный консенсус. Смерть Хирохито в 1989 г., слолившая негласный запрет на обсуждение его вины, вновь разделила консервативную и левую традиции. Дискуссии вызвало заявление мэра Нагасаки Х. Мотодзима об ответственности императора за войну, а в левой газете *Asahi симбун* появился ряд публикаций по теме. Консерваторы же рьяно поддержали масштабные ритуалы, проведенные по нормативам эпохи Мэйдзи и призванные подтвердить актуальность вековых традиций.

Одновременно на фоне глобализации памяти и наращивания культурного обмена с Восточной Азией прогрессистская традиция стала переходить от самовиктимизации к принятию «немецкой модели покаяния» и примирению с жертвами. Еще в 1986 г. *Нихон сэμποцу гакусэй кинэнкай* возглавило учреждение Японо-германского форума мира, объединившего активистов двух стран. Появились новые мнемонические акторы из числа правозащитных организаций. Одна из важнейших – Сеть по борьбе с насилием в отношении женщин на войне (*Violence Against Women in War Network – VAWW NET*), основанная известным журналистом Я. Мацуи. В сотрудничестве с южнокорейскими группами Сеть привлекала внимание к проблеме «женщин для утешения».

Так, они организовали Международный женский трибунал по военным преступлениям 2001 г., рассматривавший вопрос японского сексуального рабства во время войны. Трибунал признал виновными 10 руководителей страны, в т. ч. императора Хирохито как верховного главнокомандующего⁸. VAWW NET также поддерживала протесты против баз США на Окинаве, связывая их с насилием в отношении женщин. Кроме того, в 1998 г. была учреждена Сеть 21 «Дети и учебники» (*Children and Textbooks Japan Network 21*). Наследуя активистам, поддерживавшим иски С. Иэнага, она противостояла попыткам историков и политиков изменять учебники в сторону оправдания действий милитаристской Японии.

⁸ Women's International War Crimes Tribunal Archives: <https://archives.wam-peace.org/wt/en/judgement>

Активность правозащитных и левых групп, историческое поражение ЛДП на выборах 1993 г., давление международного гражданского общества и западных стран, а также интересы сотрудничества с КНР и РК привели к попыткам сначала умеренных консерваторов, а затем коалиционных кабинетов реформировать официальную риторику: в течение ряда лет неоднократно приносились извинения за прошлые преступления от лица императора Акихито, премьер-министров и других официальных лиц. Наиболее важными считаются заявления Ё. Коно 1993 г. и Т. Мураяма 15 августа 1995 г. Первое признало ответственность правительства за проектирование станций для утешения, факты вербовки работниц против воли и выразило «искренние извинения и раскаяние»⁹. В заявлении Мураяма, премьер-министра от СПЯ, выражались глубокое раскаяние и искренние извинения за колониальное правление и агрессию¹⁰. Прогрессисты достигли успехов также в сфере образования: положения заявления Мураяма были включены в учебные планы, ведущие издательства учебников *Tokyo Shoseki* и *Kyoiku Shuppan* увеличили освещение военных преступлений.

Однако компромиссы ограничились возможностью левых партий влиять на политику памяти, а к концу 1990-х гг. СПЯ потеряла былую поддержку. По итогу не только не произошло установления консенсуса вокруг раскаяния, но имела место острая ответная реакция консерваторов. Хотя следующие кабинеты не отменили заявления Мураяма и Коно, опасаясь навредить внешним связям, многие консерваторы их не приняли. Премьер-министр Р. Хасимото полагал, что признание войны агрессией – это проявление неуважения к погибшим солдатам, выражением чего стал его визит в храм Ясукуни. Аналогично действовали Дз. Коидзуми, С. Абэ и др.

В 1997 г. была основана Японская конференция (*Hunpon kaiji*), ассоциированная со многими лидерами ЛДП и продвигающая идеи реформы Конституции, нелегитимности Токийского процесса, фальсификации Нанкинской резни 1937 г. и сексуального рабства, войны как освобождения Азии.¹¹ В 1996 г. консервативные историки

⁹ Statement by the Chief Cabinet Secretary. August 4, 1993. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. https://www.mofa.go.jp/a_o/tp/page25e_000343.html

¹⁰ 「戦後50周年の終戦記念日にあたって」 (いわゆる村山談話. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/07/dmu_0815.html

¹¹ Japan-U.S. Relations: Issues for Congress. Updated January 6, 2023. *Congressional Research Service*, p. 44: <https://sgp.fas.org/crs/row/RL33436.pdf>.

учредили Общество реформирования учебников истории (*Атарасий рэкиси кёкасё о цукуру кай*) и предложили учебник, повторяющий положения ревизионистского нарратива. Хотя лишь около 1% школ в итоге утвердили учебник, его одобрение в 2001 г. вызвало протесты в Японии и за рубежом. Ревизионизм повлиял и на более нейтральных издателей: с 2000-х гг. учебники стали уделять меньше внимания темам, вызывающих споры среди специалистов.

Одновременно к 2000-м гг. обозначилась все большая «усталость от извинений» в Японии: примирения с соседями достигнуто не было [Стрельцов 2020, с. 54]. Одной из причин было отсутствие консенсуса в японском обществе по вопросу вины, из-за чего извинения не воспринимались искренними: за расплывчатостью формулировок, провалом попыток парламента принять декларацию стояла острая борьба. Этим же объяснялось сочетание извинений с ревизионистскими действиями, в т. ч. посещениями храма Ясукуни. Другая причина – политика памяти в самих странах-реципиентах извинений, в т. ч. использование образа Японии как врага в политических целях.

Победа оппозиции в 2009 г. во главе с Ю. Хатояма ознаменовала последнюю попытку переломить консервативный тренд: кабинет попытался углубить официальные извинения и создать нерелигиозный мемориал солдатам как альтернативу Ясукуни. Однако недовольство США новым руководством, острейший кризис в отношениях с КНР в 2012 г. и приход к власти С. Абэ обеспечили превалирование консервативного нарратива [Dian 2017, p. 121, 125]. Абэ заложил основы нынешнего курса на окончательное снятие вопроса об извинениях, преодоление пацифистских ограничений Конституции и культивацию патриотизма.

Так, он предпринял усилия по исключению спорных вопросов из школьных программ и реформированию в аналогичном духе государственных музеев. Пример последней тенденции – полное исключение из Музея мира в Осаке, ранее известного фокусом на преступлениях Японии, дискуссии о японской агрессии [Seaton 2015, p. 1].

Важно отметить, что политика памяти в Японии остается поляризованной: попытки укрепить консервативный нарратив наталкиваются на противодействие общества. Примером могут служить масштабные протесты против изменения толкования Конституции в 2015 г.,

собравшие на улицах более 120 тыс. человек¹². Их поддержала в т. ч. Конституционно-демократической партия, подхватившая роль основной прогрессивистской системной силы. Кроме того, партия Комэйто, связанная с буддийским движением Сока Гаккай и являющаяся с 1998 г. коалиционным партнером ЛДП, также продвигает умеренно-прогрессивистский нарратив, ограничивая стремления консерваторов [Нелидов 2022, с. 47].

Заключение

После 1945 г. Япония и Германия оказались в схожих условиях. Обе страны были оккупированы, их политика, экономика и общество подверглись насильственной перестройке. По итогам трибуналов над военными преступниками было осуждено схожее число лиц. Сами процессы страдали от одинаковых проблем: неучет ряда преступлений и обратное применение правовых норм. Сходными оказались практика де-факто разделения общества на виновное меньшинство и невиновное большинство и «обратный курс»: возвращение на госдолжности ряда ранее осужденных лиц и подавление левой оппозиции. При этом присутствовали некоторые различия режимов оккупации, отчасти повлиявшие на становление и эволюцию исторической памяти: разделение Германии; сохранение института императора в Японии, утвердившее некий идейно-государственный континуитет, но проведение более глубоких демилитаризации и секуляризации; а также организация в Германии более широкой политической чистки.

В итоге, несмотря на некоторые сходства памяти о прошлом в двух странах (важное место памяти о войне; выделение консервативной и лево-прогрессивистской традиций) ее содержание и эволюция оказались во многом различными. Среди причин: в случае Японии большая преемственность элит по итогам оккупации; сложности с четким выделением группы, которую можно назначить виновной за преступления и отличия самих преступлений, в т. ч. отсутствие аналога холокоста (который в случае ФРГ поддерживал тему преступлений нацистов актуальной); более доминантное положение консерваторов в политической системе.

¹² Huge protest in Tokyo rails against PM Abe's security bills. *Reuters*: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN0QZ0C2/>

В результате, если в ФРГ изначально содержание консервативного нарратива совпадало с моделями самовиктимизации и амнезии по классификации М. Диана, а прогрессистский – с моделью покаяния, то в Японии консервативная традиция помимо самовиктимизации включала героизацию прошлого (т. е. была более ревизионистской), а прогрессистская – концентрировалась на самовиктимизации, практически не включая покаяние. Более того, если в случае ФРГ эволюция нарративов предполагала движение от поляризации в первые десятилетия к консенсусу традиций к 1990-м гг. в силу принятия консерваторами нарратива покаяния, а в 2000-х гг. – его упрочение в силу принятия прогрессистами элементов самовиктимизации, то в Японии наоборот именно первые десятилетия были отмечены консенсусом традиций вокруг самовиктимизации, который сменился поляризацией к 1990-м гг. из-за перенятия прогрессистами покаяния, углубившейся к 2010-м гг. из-за усталости от извинений и укрепления позиций консерваторов.

Данные различия выступили фактором непреходящей актуальности вопросов исторических обид в отношениях Японии с соседями: отсутствие консенсуса создавало впечатление неискренности любых извинительных акций, предпринимаемых Токио.

Библиографический список

Лёзина Е. В. (2015) Люстрация и открытие архивов в странах Центральной и Восточной Европы. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии.* № 2 (120). С. 61–62.

Малинова О. Ю. (2018) Политика памяти как область символической политики. *Методологические вопросы изучения политики памяти* / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. Москва–Санкт-Петербург: Нестор История.

Манн Т. (1961) Германия и немцы / пер. с нем. Е. Эткинда. *Манн, Т. Собрание сочинений: в 10 т.* – Москва, 1961. Т. 10. С. 324–325.

Нелидов В. В. (2022) Историческая память во внешнеполитическом дискурсе Японии. *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями* / под общ. ред. Д. В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс. С. 29–52.

Стрельцов, Д. В. (2020) «Дипломатия извинений» во внешней политике послевоенной Японии. *Ежегодник Япония.* № 49. С. 29–61.

Ясперс К. (1999) *Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии*. Москва: Прогресс.

References

Ahonen, P. (1998). Domestic Constraints on West German Ostpolitik: The Role of the Expellee Organizations in the Adenauer Era. *Central European History*, 31 (1/2).

Berger, T. U. (2012). *War, Guilt, and World Politics After World War II*. Cambridge: Cambridge University Press.

Buruma, I. (1995). *Wages of Guilt. Memories of War in Germany and Japan*. London: Vintage.

Conrad, S. (2010). *The Quest for the Lost Nation: Writing History in Germany and Japan in the American Century*. Los Angeles, CA: University of California Press.

Dian, M. (2017). *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy*. Oxford: Elsevier.

Dower, J. W. (1999). *Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II*. New York, NY: WW Norton & Company.

Duke, B. C. (1973). *Japan's Militant Teachers: A History of the Left-Wing Teachers' Movement*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Finn, R. B. (1992). *Winners in Peace: MacArthur, Yoshida and Postwar Japan*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

Frei, N. (2002). *Adenauer's Germany and the Nazi Past*. Trans. by J. Golb. New-York: Columbia University Press.

Gluck C. (1990). The Idea of Showa. *Daedalus*, 119(3), 1–26.

Harries, M., Harries, S. (1987). *Sheathing the Sword: The Demilitarization of Postwar Japan*. New York: MacMillan.

He, Y. (2008). *The Search for Reconciliation: Sino-Japanese and German-Polish Relations Since World War II*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Herf, J. (1997). *Divided Memory: The Nazi Past in the Two Germanys*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Hirata, T., Dower, J. W. (2006). Japan's Red Purge: Lessons From a Saga of Suppression of Free Speech and Thought. *The Asia Pacific Journal: Japan Focus*, 5 (7), 1–8.

Jander, M. (1990). Ending the 'Universalisation' of the Holocaust and the Wars Against Israel: The GDR People's Chamber Declaration of 12 April 1990. *Fathom*. Retrieved from <https://fathomjournal.org/ending->

the-universalisation-of-the-holocaust-and-the-wars-against-israel-the-gdr-peoples-chamber-declaration-of-12-april-1990/#_edn2

Kersten, R. (1996). *Democracy in Post-War Japan: Maruyama Masao and the Search for Autonomy*. London: Routledge.

Lyozina, E. V. (2015). Lyustratsiya i otkrytie arkhivov v stranakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy [Lustration and Opening of Archives in Central and Eastern European Countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2 (120), 61–62. (In Russian).

Malinova, O. Yu. (2018). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki. [Memory Politics as an Area of Symbolic Politics]. In: Miller, A. I., Efremenko, D. V. (Eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Studying Memory Policy] (pp. 27–53). Moscow-Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).

Mann, T. (1961). Germaniya i nemtsy [Germany and Germans]. Transl. by E. Etkind. In: Mann, T. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collection of Works in 10 Vols.], Vol. 10. (pp. 324–325). Moscow. (In Russian).

Nelidov, V. V. (2022). Istoricheskaya pamyat' vo vneshnepoliticheskom diskurse Yaponii [Historical Memory in the Foreign Policy Discourse of Japan]. In: Streltsov D. V. (Ed.), *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami* [Problems of Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries] (pp. 29–52). Moscow: Aspekt-Press. (In Russian).

Olick, J. K. (2005). *In the House of the Hangman. The Agonies of German Defeat, 1943–1949*. Illinois: University of Chicago Press.

Orr, J. J. (2001). *The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan*. Honolulu, HI: University of Hawaii Press.

Samuels, R. J. (2007). Securing Japan: The Current Discourse. *The Journal of Japanese Studies*, 33 (1), 125–152.

Seaton, P. (2015). The Nationalist Assault on Japan's Local Peace Museums: The Conversion of Peace Osaka. *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus*, Vol. 13, Issue 30, No. 3, Jul 27, 1–20 (1).

Seraphim, F. (2006). *War Memory and Social Politics in Japan, 1945–2005*. Vol. 278. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Streltsov, D. V. (2020). «Diplomatiya izvineniy» vo vneshney politike poslevoyennoy Yaponii. [“The Diplomacy of Apologies” in the Foreign Policy of Postwar Japan]. *Yearbook Japan*, 49, 29–61. (In Russian).

Yaspers, K. (1999). *Vopros o vinovnosti. O politicheskoi otvetstvennosti Germanii*. [The Question of German Guilt]. Moscow: Progress. (In Russian).